

Старый, но пронзительный крик заставил Тао Хуайнаня почувствовать ещё больший холод. Ближе можно было услышать гневные крики и ругань мужчины. Шаги смешивались с голосами, становясь всё ближе.

Мужчина ругался, называя кого-то «зайчишкой», и кричал:

— Я сегодня тебя убью!

Старушка громко плакала, умоляя его не гнаться, время от времени вставляя:

— Беги быстрее!

Тао Хуайнань лежал тихо и слушал, глаза в темноте беспомощно смотрели в никуда. Он хотел найти брата, без него на душе было неспокойно.

Во дворе стояла палатка для похорон, и в эти дни ворота не закрывались, оставаясь распахнутыми.

Когда ворота с грохотом распахнулись, Тао Сяодун сидел, скрестив ноги, перед жаровней и курил. Он поднял глаза и увидел того же мальчика из семьи Чи, что и днём.

Голый мальчик прятался у стены, а его отец гнался за ним, старушка тащила его за руку, пытаясь остановить. Но она не могла удержать его, лишь сама спотыкалась, бегая за ним.

— Не бей его! Ты его убьёшь! Чжидэ!

— кричала старушка, плача и беспомощно ударяя по спине мужчины.

Мужчина, от которого разило алкоголем, ругался и двигался в сторону мальчика.

Тао Сяодун ещё не докурил сигарету, он продолжал сидеть.

— Чжидэ! Это твой сын!

— голос старушки уже охрип, и в нём слышалась отчаянная безысходность.

Старушка, ребёнок и пьяница разыгрывали жалкую сцену во дворе, где стояла палатка с прахом.

Тао Сяодун холодно наблюдал за этим, удивляясь, как они не боятся двух гробов с прахом. Он снова поджёг бумажные деньги и бросил их в жаровню.

Это было место, где Тао Сяодун вырос, этот двор и эти две комнаты были его домом с детства. Он бегал здесь, шалил, лазил на крыши, а отец кричал на него и шлёпал, но всегда сдерживал силу.

В те дни пьяницей в семье Чи был отец Чи Чжидэ, который, напившись, бил сына. Каждый раз, когда Чи Чжидэ получал особенно сильно, он убегал. Если отец Тао Сяодуна видел это, он всегда останавливал пьяницу, говоря, что настоящий мужчина должен выплёскивать свою злость на улице, а не на ребёнке. Чи Чжидэ всегда прятался за спину отца Тао Сяодуна, плача и крича: «Дядя Тао!»

Теперь Чи Чжидэ бил своего сына, и мальчик выглядел ещё более несчастным, чем Чи Чжидэ в детстве. «Дядя Тао» больше не было, его прах лежал в гробу. Ребёнок, который когда-то плакал

и просил о помощи, теперь стал следующим пьяницей, с красными глазами и без капли человечности.

Всё это было одновременно смешно и печально, а происходящее напоминало о судьбе, переходящей из поколения в поколение.

Закончив сигарету, Тао Сяодун бросил окурочек в жаровню и встал, взяв длинную палку, которой разжигали огонь.

Мальчик бежал без оглядки, ноги были замёрзшими и плохо слушались, и он не смог оббежать Тао Сяодуна, врезавшись в него головой.

Когда Чи Чжидэ, ругаясь, подошёл ближе, Тао Сяодун резко ударил его палкой по шее, и пьяница упал на землю, не понимая, что происходит.

— Убирайся, — холодно сказал Тао Сяодун, глядя на пьяницу, который лежал на земле, держась за шею. Палкой он указал на ворота. — Не устраивай здесь сцену перед моими родителями.

Тао Сяодун ударил его три раза.

Пьяница, не имея рассудка, не мог просто уйти после ударов. Он хотел подраться с Тао Сяодуном, но не успел встать, как снова получил удар палкой и упал.

Старушка снова плакала и кричала, умоляя Тао Сяодуна остановиться, называя его «мальчиком из семьи Тао».

В конце концов пьяница и старушка ушли, но перед этим он поднял кирпич и швырнул его во двор, где он разбился на две части. Уйдя довольно далеко, он снова поднял кирпич и бросил его в ворота, громкий звук раздался в ночи.

Тао Сяодун не стал ждать этого броска, он уже зашёл в дом и включил свет, чтобы проверить брата.

Тао Хуайнань сам натянул на себя свитер и присел на корточки, чтобы нащупать обувь. Услышав, как кто-то зашёл, он высоко поднял лицо:

— Брат?

Тао Сяодун поднял его, похлопал по спине и сказал:

— Всё в порядке.

— Кто это был...

— Тао Хуайнань моргал пустыми глазами, обеими руками касаясь лица брата, ладони были влажными и тёплыми. — Тебя ударили?

— Нет, — ответил Тао Сяодун, лицо и пальцы были холодными. Он положил Тао Хуайнаня обратно на лежанку и провёл рукой по его голове. — Испугался?

— Я боялся, что тебя ударят, — тихо сказал Тао Хуайнань.

— Не ударят, я сильнее, — успокоил его Тао Сяодун.

Свитер был надет задом наперёд, и Тао Сяодун снял его. Дядя из соседнего двора, услышав шум, оделся и зашёл, спросив, что произошло.

Тао Сяодун налил немного горячей воды из чайника, намочил полотенце и вытер ноги Тао Хуайнаню. Тот стоял босиком на холодном полу, ноги были грязными и холодными. Тао Сяодун вытирал его ноги и сказал:

— Ничего серьёзного, Чжидэ устроил здесь сцену.

— В такую ночь?

— ругнулся дядя. — Испугал Сяонаня? Может, отвести его ко мне? Пусть спит с тётей.

Тао Сяодун отказался, и Тао Хуайнань тоже покачал головой.

— Останемся здесь, — сказал Тао Сяодун, закончив вытирать ноги и похлопав по ступне, чтобы тот лёг обратно. — Я всё равно буду на улице.

Тао Хуайнань послушно лёг, укрыв себя одеялом.

Дядя посидел немного, убедившись, что всё в порядке, и ушёл. Тао Сяодун огляделся по комнате, но не увидел мальчика из семьи Чи.

— Я не выключу свет, оставлю немного, — сказал Тао Сяодун.

Тао Хуайнань кивнул:

— Хорошо.

Тао Сяодун нашёл одежду Тао Хуайнаня, на которую пролилось молоко, и вышел с ней на улицу.

Мальчик сидел, свернувшись у жаровни, которая уже потухла. Он держал руками внешний край жаровни и дрожал, как раненое животное в снегу.

Тао Сяодун положил одежду рядом с ним и сказал:

— Одевайся.

Мальчик поднял глаза на него, зубы стучали с быстрой частотой. Его движения были скованными, он был худым, как скелет, и выглядел даже пугающе.

Тао Сяодун посмотрел на него несколько секунд, затем подошёл, поднял его и заодно поднял одежду с земли. Мальчик попытался вырваться, но Тао Сяодун нахмурился и сказал:

— Не дёргайся.

Мальчик, вероятно, уже не имел сил сопротивляться, и Тао Сяодун, держа его одной рукой за талию, нёс, как полуживого.

Тао Хуайнань лежал неподвижно, услышав, как брат снова вошёл в дом.

Он услышал, как брат положил что-то на другой конец лежанки, затем раздался стук зубов — преувеличенный и неконтролируемый.

В тот момент Тао Хуайнань подумал, что брат принёс замёрзшую собаку.

— Полежи, отогрейся, — сказал брат.

— Твой отец в детстве был таким же, а потом стал как его отец, — Тао Сяодун смотрел на грязного ребёнка, который прижался к лежанке, чтобы почувствовать тепло. — Это передаётся из поколения в поколение, это проклятие.

Услышав это, Тао Хуайнань понял, что это не собака. Скорее всего, это был тот мальчик, который днём отобрал у него молоко.

Мальчик молчал, прижавшись щекой к лежанке и продолжая дрожать. Зубы стучали так, что говорить он не мог.

В доме был только один комплект постельного белья, который дал дядя из родного дома, и сейчас им был укрыт Тао Хуайнань. Тао Сяодун снял с себя армейское пальто и накрыл им грязного мальчика.

— Сегодня спи здесь, — бросил Тао Сяодун.

Мальчик не ответил, только стук зубов продолжался.

Тао Сяодун вышел на улицу, чтобы продолжить дежурство, а стук зубов продолжался около часа. Тао Хуайнань лежал на другом конце лежанки, слушая, как он постепенно замедлялся, пока не прекратился вовсе — мальчик заснул.

Только тогда Тао Хуайнань осторожно перевернулся. Он был слишком пугливым, чтобы лежать в одной комнате с совершенно незнакомым мальчиком, который днём отобрал у него молоко. Он даже боялся пошевелиться.

Перевернувшись на бок, Тао Хуайнань подтянул к себе одеяльце, закрыв им половину лица.

В конце концов мальчик оказался крепким. Пробыв весь день голым на морозе, он не получил серьёзных обморожений. Тао Сяодун дал ему одежду Тао Хуайнаня, но мальчик не сказал ни слова, даже не поблагодарил. Когда Тао Сяодун кормил Тао Хуайнаня кашей, он налил порцию и мальчику, в большую миску для овощей. Тот посмотрел на Тао Сяодуна, взял миску и отошёл в сторону, начав жадно есть.

Тао Сяодун подул на ложку с кашей и спросил:

— Отец часто тебя бьёт?

Мальчик поднял глаза из миски, посмотрел в его сторону и, опустив веки, промолчал.

Он не ответил, и Тао Сяодун не стал спрашивать снова.

<http://bllate.org/book/16228/1457972>